

АЛЕКСЕЙ КУЗНЕЦОВ

«ВОПРОС СКОРЕЕ НЕ В ТОМ, ЧТО ЭКОНОМИСТОВ НЕ СЛУШАЮТ ВООБЩЕ, А В ТОМ, ЧТО СЛУШАЮТ НЕ ТЕХ ЭКОНОМИСТОВ...»

Алексей Кузнецов – один из наиболее ярких представителей новой плеяды отечественных международных, которая сегодня все больше определяет облик российской экономической науки. Он пришел в Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) в тяжелый для отечественного исследовательского сообщества период, в начале 2000-х годов, и за десять с небольшим лет сумел сделать головокружительную карьеру. В 2008 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект», а в 2011-м – был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, став самым молодым носителем этого звания в постсоветской истории.

В настоящее время Алексей Кузнецов занимает должность заместителя директора ИМЭМО, ведущего отечественного научного центра, специализирующегося на вопросах организации мирового хозяйства и политики, а также долгосрочного прогнозирования тенденций глобального развития. Он параллельно руководит Центром европейских исследований в Институте, читает лекции в МГИМО и МГУ им. М.В. Ломоносова.

15 августа 2015 г. главный редактор «Международных процессов» встретился с Алексеем Владимировичем и расспросил его о значимых вехах и этапах его собственной

академической биографии, о трудностях и возможностях профессионального становления в условиях перестройки отечественных научных школ, а также о роли экономических исследований в современной России.

Содержание состоявшейся между ними беседы мы публикуем ниже.

А.Б. *В начале 2000-х годов по окончании МГУ Вы пошли в Институт мировой экономики и международных отношений. Многие помнят, что финансирование исследовательской деятельности в те годы было мизерным, а молодые экономисты стремились в частный сектор. Что подвигло Вас пойти по научной стезе?*

А.К. *Мизерными были доходы аспирантов и молодых научных сотрудников в течение года-двух после защиты кандидатской диссертации. Состоявшиеся исследователи за счет преподавания, контрактных работ и поддержанных грантами проектов уже в начале 2000-х годов имели вполне достойный доход, и сейчас неплохо живут. Фактически выбор в пользу научной карьеры означал для меня продление учебы на пару лет (оно компенсировалось тем, что я защитился досрочно) при материальной поддержке со стороны семьи. Эта проблема в академической науке не сбавила своей*

остроты до сих пор: за исключением не слишком доступных грантов Российского научного фонда (РНФ), особых источников обеспечить прожиточный минимум аспирантам нет, а их работа «на стороне» обычно пагубно сказывается на качестве научных результатов.

Кроме того, что понимать под частным сектором? Собственная предпринимательская активность, работа по найму в крупной корпорации или занятость в частном аналитическом сегменте? К началу 2000-х годов предпринимательство без стартового капитала означало малый бизнес, для которого совсем не нужно было шесть лет получать лучшее в стране университетское образование. В крупной корпорации мне было бы скучно — это другая сфера деятельности с иными ориентирами и стилем работы. Хотя, конечно, в случае успешной карьеры во всем мире «бизнес-чиновники» зарабатывают в среднем больше состоявшихся ученых.

Что же касается аналитической работы в неакадемических центрах экономического анализа или западных компаниях, то в них новичкам на несколько лет выделяется узкая тема, а это неинтересно. Я студентом стажировался в российский подразделение одного из всемирно известных рейтинговых агентств — карьерная перспектива на ближайшие несколько лет заключалась в оценке кредитоспособности российских электроэнергетических компаний. Мои смелые идеи по развитию новых направлений анализа «мягко» гасили.

Вместе с тем в начале 2000-х годов в системе Российской академии наук (РАН) из-за почти полного отсутствия среднего поколения исследователей открывались безграничные возможности для освоения и разработки новых научных тем. При этом еще во время учебы в МГУ им. Ломоносова у меня появились первые научные успехи. Я не просто с отличием закончил одну из самых сильных кафедр, но был именован стипендиатом, опубликовал 5 статей (как недавно узнал, поскольку тогда меня это мало интересовало, одну — в журнале из базы *Scopus*). В ИМЭМО РАН я пришел

на преддипломную практику, а потом на магистерскую стажировку, в ходе которых познакомился со спецификой института. Моим руководителем стал очень сильный экономист и прекрасный страновед Владимир Петрович Гутник, к которому я и пошел в аспирантуру.

А.Б. Вы начали заниматься транснациональными корпорациями и прямыми иностранными инвестициями. Чем обусловлен Ваш выбор, и ожидали ли Вы, что эта тематика спустя всего несколько лет окажется у всех на слуху?

А.К. В 1990-х годах много говорилось о привлечении иностранных инвестиций в Россию. При этом я хотел заниматься ФРГ — и страна интересная, и на кафедре в МГУ в качестве высококлассного методиста славился германист Олег Владимирович Витковский. Перед походом к будущему научному руководителю я заглянул в читальный зал факультетской библиотеки, полистал реферативный журнал по зарубежным публикациям и обнаружил, что пишут главным образом про германские прямые инвестиции. Это уже потом я понял, что тогдашнее экономическое руководство России делало фатальную ошибку, не различая в попытках привлечения иностранного капитала прямых, портфельных и прочих иностранных инвестиций и тем более не осознавая необходимости разного подхода к инвесторам из тех или иных стран.

В июне 1998 г. один из «корифеев» отверг мою статью, направленную в журнал «Вопросы экономики». Между тем она впервые в России освещала специфику привлечения в нашу страну именно прямых инвестиций, причем одной конкретной страны-партнера. Я предупреждал, что только прямые инвесторы не побегут из России в случае финансового кризиса, подобного азиатскому обвалу 1997 года. Статью удалось пристроить в малоизвестное издание, в котором уже после прихода правительства академика Е.М. Примакова в сентябре мой текст опубликовали.

Безусловно, фокус на исследовании германского участия в трансграничном дви-

жении прямых инвестиций во многом определялся сначала университетским руководителем, а затем — В.П. Гутником. Со временем тема расширилась до анализа всех внешнеэкономических связей Германии. При этом акцент на анализ корпоративных данных возник, по сути, случайно — от недостатка макроэкономической статистики (по крайней мере, мне так тогда казалось — сейчас понимаю, что данные Бундесбанка и Федеральной статистической службы Германии были весьма подробными на фоне официальной статистики большинства других стран). Летом 2003 г. я защитил кандидатскую диссертацию по мировой экономике на тему «Влияние глобализации на внешнеэкономические связи Германии». Оставшись работать в Центре европейских исследований ИМЭМО РАН, меньше чем через год, когда мне было 25 лет, опубликовал первую индивидуальную монографию «Мирохозяйственные связи германских компаний».

Дальше встал вопрос, чем заниматься, — становиться настоящим германистом-страноведом или искать какую-то новую интересную тему. Немецкий у меня второй иностранный язык, германистов было много, а спрос на страноведческие исследования в 2000-х годах упал. Я стал думать, как совместить свои навыки и российскую тематику. Сначала не очень получалось — например, первым среди московских авторов пытался анализировать российское участие в еврорегионах, но эту тему в столице тогда блокировали. Удалось опубликоваться лишь в Калининграде. В то же время тема прямых инвестиций меня «не отпускала». В конце 2004 г. умер сотрудник Центра, известный профессор Юрий Игнатьевич Юданов, лучший в стране специалист в области прямых инвестиций и транснациональных корпораций. Мы много с ним общались в 2002–2003 годах на тему трансграничных инвестиций — это в Центре знали. В результате было решено, что именно я при поддержке профессора Ефима Самуиловича Хесина закончу коллективную монографию, которой руководил Ю.И. Юданов. В итоге в начале 2006 г.

в ИМЭМО вышла книга «Европейские прямые инвестиции в России».

В тот период я обратил внимание на активизацию российских компаний в области легального экспорта капитала. Мне повезло, поскольку осенью 2005 г. я выиграл грант Президента России для поддержки молодых кандидатов наук, в идеале предназначенный для подготовки докторских диссертаций. Я не тратил деньги на зарубежные стажировки, как это теперь любят делать лауреаты. Зато купил себе компьютер и подключил его к сети Интернет (у меня до этого, увы, не было своего рабочего места в ИМЭМО, поэтому первые два года работы я пользовался старым личным ноутбуком). Кроме того, за счет гранта оплатил издание индивидуальной монографии в солидном издательстве. Так, в 2007 г. появилась монография «Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект». Книга получила медаль РАН для молодых ученых. Она же стала основой моей докторской диссертации. Замечу, что в 2008 г. идея существования российских ТНК еще вызывала удивление; бум интереса начался где-то в 2009–2010 годах, когда я имел явную фору с точки зрения и исследовательского приоритета, и возможностей выигрывать гранты.

А.Б. *Вы работаете над долгосрочным прогнозированием экономического развития? Насколько эта тема является благодарной?*

А.К. Она вызывает меньше критики, чем краткосрочное прогнозирование, поскольку до результатов прогноза еще надо дожить. (*Смеется.*) А если серьезно, в долгосрочном прогнозировании экономического развития главное — выявлять основные тренды и закономерности, которые ложатся в основу практических рекомендаций для России уже сейчас. При этом сильной стороной ИМЭМО является междисциплинарный подход: наш «Стратегический глобальный прогноз 2030» не ограничивается оценками экономического развития. Сейчас мы под руководством академика Александра Александровича Дынкина готовим прогноз до 2035 года. Там тоже и при

прогнозировании европейской интеграции, и при анализе перспектив транснационализации мирового бизнеса я учитываю выводы наших политологов.

А.Б. *Не перечеркивают ли экономические кризисы полезность усилий по выстраиванию ожиданий от будущего?*

А.К. Нет, хотя большинство долгосрочных прогнозов и в России, и за рубежом оказываются чрезмерно оптимистичными. Между прочим, это повод задуматься – то ли над методологическими подходами к прогнозированию, то ли над качеством принимаемых в ведущих странах мира политических решений. При этом повторяю, в долгосрочном прогнозе главное – понять тренды. Приведу один пример: коллектив ИМЭМО уже несколько десятилетий пишет в своих прогнозах о том, что срок исчерпания углеводородов благодаря техническому прогрессу в области добычи, развитию альтернативной энергетики и росту энергосбережения неизменно отодвигается за горизонт 40 лет.

А.Б. *Вы участвовали в работе над «Стратегией 2020». Как Вы оцениваете этот опыт лично для себя?*

А.К. Было интересно с точки зрения личного опыта, но практическая польза для страны оказалась небольшой. *Во-первых*, работа над обновлением «Стратегии 2020» стала заложницей далеко не бесспорных экономических взглядов руководства курирующих проект организаций (НИУ ВШЭ и АНХ при Правительстве РФ). Например, две так называемые международные группы были выделены в отдельный, последний, сегмент (и по порядку, и по значению), а их выводы слабо учитывались 19 другими группами. К сожалению, многие российские экономисты до сих пор не понимают, что отечественную экономику в условиях глобализации нельзя изучать в отрыве от мирового хозяйства. В частности, нельзя планировать догоняющее развитие, если Вы не представляете, как будут в ближайшие 20 лет развиваться те страны, которых Вы хотите догнать. Нельзя планировать слабый рост расходов на НИОКР в

России, ошибочно полагая, что в мире наступает инвестиционная пауза.

Во-вторых, работа была неоплачиваемой, поэтому внешние эксперты в основном сдавали не оригинальные авторские материалы, а переработанные старые тексты. Я не очень понимаю, почему в России не нашлось нескольких десятков миллионов рублей, чтобы оплатить качественную работу над стратегией экономического развития страны.

В-третьих (что было важно для нашей группы), пассивным оказался отечественный крупный бизнес – компании, в том числе под контролем государства, в основной своей массе отказались говорить (и в рамках социологического опроса, и напрямую на заседаниях рабочей группы), что их не устраивает в российской внешнеэкономической политике. В кулуарах бизнесмены объясняли, что им проще выстраивать неформальные контакты с властью, а не участвовать в разработке эффективных институтов.

М.П. *Насколько Вам кажется важной практическая польза от экономических исследований? В какой степени отечественная наука востребована руководством страны?*

А.К. Без национальных экономических исследований страна развиваться не будет. У нас просто нет права заимствовать зарубежный опыт без его адаптации к отечественной (весьма своеобразной) специфике, определяемой историей страны, ее географией, этническим составом и многими другими параметрами. Некоторые специалисты в области естественных и технических наук думают, что их работа важнее. Однако история Советского Союза показала – страна проиграла научно-техническую гонку во многом потому, что открытия не внедрялись в производство. Между тем это как раз одна из задач экономистов – предложить эффективную институциональную систему для инновационного развития отечественной экономики.

Востребованность экономической науки руководством страны оценить сложно. У нас ведь много разных научных школ,

часто высказывающих диаметрально противоположные мнения. Вопрос скорее не в том, что экономистов не слушают вообще, а в том, что слушают не тех экономистов.

А.Б. *В ИМЭМО за последние годы выросла плеяда перспективного молодого поколения. С чем, на Ваш взгляд, связан прорыв новой генерации в общении со старейшими учеными, не порывающими этого круга?*

А.К. Наверно, в основе лежит довольно демократическая атмосфера общения при уникальной концентрации в одном месте высококвалифицированных специалистов самого разного профиля, причем обычно крайне увлеченных своими исследованиями. В России в ИМЭМО проще всего реализовать себя в качестве настоящего ученого-международника. Не случайно в международном рейтинге «фабрик мысли» ИМЭМО занял 8-е место в мире среди центров, изучающих международную экономическую политику, пропустив вперед лишь несколько англоязычных институтов. Позади остались, например, старейший

Кильский институт мировой экономики и знаменитый Венский институт международной экономической политики.

Естественно, действуют и специально созданные инструменты вовлечения в работу ИМЭМО талантливой молодежи из МГУ им. Ломоносова, МГИМО, других ведущих вузов. Многие ведущие сотрудники Института преподают в этих учебных заведениях. У нас развиты партнерские отношения с рядом кафедр, в том числе для организации студенческих практик. Двенадцать лет назад я участвовал в создании Совета молодых ученых и аспирантов ИМЭМО, который весьма активно работает все эти годы. Способную молодежь активно привлекают к работе по научным грантам и контрактным работам, что обеспечивает им приемлемый уровень дохода, удерживая от ухода из науки. Для защитившихся научных сотрудников созданы все условия карьерного роста.

А.Б. *Спасибо, Алексей Владимирович, за внимание к читателям нашего журнала.*